

Т. Б. ТРОФИМОВА-ШИФФ*

**«НО ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ОСТАЛСЯ В НАШЕМ СЕРДЦЕ»
(К ВОПРОСУ О ПРОТОТИПАХ В РОМАНЕ «ИГРОК»)**

Ключевые слова: Достоевский, «Игрок», образ, прототип, контекст, биографизм, Некрасов, Панаева, Лефрен.

Данная статья посвящена проблеме прототипов в романе «Игрок», в частности образов генерала и m-lle Бланш. Исследуя историко-литературный контекст и биографические материалы, автор пришел к выводу, что одними из прототипов этих образов стали поэт Н. А. Некрасов, а также А. Я. Панаева и Селина Лефрен.

Изучение творческой истории художественного произведения связано с исследованием проблемы прототипов и прообразов героев, созданных писателем. Прежде всего, эта проблема, на наш взгляд, должна рассматриваться в связи с историко-литературным и общественным контекстами, современными для писателя. Но при этом необходимо учитывать не только его окружение, его знакомства, круг общения, но и его творческие искания, его мировоззрение, миропонимание и мировосприятие. Отметим, что художественное произведение — это не документальное отражение действительности, не ее фотографический снимок, а по сути совершенно другая реальность, в которой источники, использованные писателем, преобразованы его воображением и фантазией. Через созданные им образы автор высказывает собственные мысли, чувства, впечатления, свои философско-творческие размышления и т. п. Еще Н. М. Карамзин писал, что «творец всегда изображается в творении и часто — против своей воли»¹. Изучая творческую историю того или иного произведения, исследователь должен быть объективным, не зависеть от своих личных симпатий и антипатий.

В связи со вторым изданием Полного собрания сочинений и писем Достоевского, исправленного и дополненного, предпринятого

---

* Татьяна Борисовна Трофимова-Шифф, канд. филол. наук, ст. научн. сотр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН — troftat@yandex.ru

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 120.

Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, появляются разнообразные работы, посвященные творчеству писателя в различных направлениях филологической науки. Например, привлекает внимание интерпретация романа «Игрок» и анализ проблемы прототипов и образов романа в свете постмодернизма². Тема нашей статьи совпадает с темой данной работы, поэтому хотелось бы уделить ей некоторое внимание. С. А. Кибальник, автор исследования, пишет о том, что «своего рода “отпечатки пальцев” Тургенева на тексте Достоевского — можно разглядеть и в опубликованном в 1867 году романе “Игрок”. Они носят самый разнообразный характер. Тут и стилизация многих образов романа под героев “Дворянского гнезда”. И полемика с воплощенным в творчестве Тургенева представлением о любви. И даже скрытая пародия на самого Тургенева и его роман с Полиной Виардо»³, так как открыто пародировать Тургенева писатель не мог в связи с тем, что «был весьма заинтересован в произведениях печатавшегося у него Тургенева. Кроме того, нередко попадая в связи с игрой на рулетке в стесненные материальные обстоятельства, Достоевский не останавливается перед тем, чтобы обращаться к Тургеневу за материальной помощью». Из-за этих меркантильных интересов «ему было совсем не к лицу писать на него откровенную пародию», поэтому он создает криптопародию⁴. Характеристика, данная автором поведению и поступкам самого Достоевского в отношении Тургенева, вызывает, на наш взгляд, некоторое недоумение и ряд вопросов. Сопоставляя историю любви генерала к m-lle Blanche в романе «Игрок» с историей любви Тургенева к Полине Виардо, опираясь на многочисленные цитаты из писем Тургенева к певице и используя их как доказательство сходства обеих историй (заметим, правда, что содержание писем писателя было неизвестно Достоевскому), исследователь делает вывод, что именно И. Тургенев и Полина Виардо стали главными прототипами русского генерала и француженки. По словам С. А. Кибальника, Достоевский старался настолько «закамуфлировать слишком явное сходство с Тургеневым и Виардо, что сделал “генерала” вдовцом <...>, а Бланш — так и вовсе куртизанкой. Впрочем, у Полины Виардо, как известно, — продолжает автор работы, — также было немало любовных романов с известными людьми, которые оказывали ей поддержку своим вниманием»⁵. Тем более, как будет отмечено позднее, «с одной стороны, Полина Виардо, по всей видимости, не раз изменявшая Тургеневу со своими поклонниками, не была его женой, но, тем не менее, в период работы над “Дворянским гнездом”, а именно в 1857 году, родился Поль Виардо, и безграничная радость, которую Тургенев проявлял при известии о рождении

² Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб., 2013. С. 265–295.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 283.

⁵ Там же. С. 284.

Поля, дает повод принять версию об адюльтере»⁶. Но «безграничная радость писателя» могла быть обычной человеческой реакцией на рождение сына у близких друзей. Изменять же певица, известная дива, могла только своему мужу — Луи Виардо. Точек соприкосновения в романе «Игрок» с эпизодами из жизни Полины Виардо и Тургенева, а также с его произведениями отмечено много, что позволяет автору работы прийти к выводу: «Сделанные сближения, разумеется, имеют не абсолютный и, главное, не исключительный характер, так что нуждаются в некоторых оговорках, <...> но главное в таких случаях не в отдельных аргументах, а в их совокупности. Взятые все вместе, они практически не оставляют сомнений в том, что, создавая трагические судьбы своих героев, Достоевский имел в виду, среди прочего, также и драматический роман Тургенева с Полиной Виардо. <...> Изобразив в романе “Игрок” трагическую любовь русского “генерала” к француженке, Достоевский угадал — разумеется, не без помощи тургеневской “Переписки” (еще одно произведение писателя, которое использует С. А. Кибальник в своем исследовании для доказательства своей гипотезы. — *Т. Т.-III.*) — многое существенное, в том числе и в любви Тургенева к Полине Виардо»⁷. В свете постмодернистского анализа романа «Игрок» привлечение тургеневских биографических материалов открывает перед читателем «много нового», особенно в связи с певицей Полиной Виардо — прототипом *m-lle Blanche*, французской куртизанки.

Достоевский, как известно, создавая своих героев, не опирался на какой-то один источник, но всегда использовал несколько прототипов, причем в процессе возникновения персонажа к ним прибавлялись и художественные прообразы. Все они, сливаясь в творческой фантазии автора, превращались в тот единый образ, с которым и знакомился читатель.

В названии данной статьи использована всем известная цитата из «Дневника писателя» 1877 г., в которой Достоевский характеризует Н. А. Некрасова как человека и поэта. Свои размышления о его судьбе Достоевский заканчивает словами: «Некрасов есть русский исторический тип, один из крупных примеров того, до каких противоречий и до каких раздвоений, в области нравственной и в области убеждений, может доходить русский человек в наше печальное переходное время. Но этот человек остался в нашем сердце» (26, 126). Это сказано уже в то время, когда кипевшие страсти улеглись, а смерть Некрасова, по словам Тургенева, «нас примирила»⁸.

Тема «Достоевский и Некрасов» не нова⁹. Известно, что история отношений Достоевского и Некрасова, личных, творческих и общественных,

⁶ Там же. С. 291.

⁷ Там же. С. 295.

⁸ *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1979 — издание продолжается. Т. 10. С. 147.

⁹ *Евнин Ф. И.* Достоевский и Некрасов // *Русская литература.* 1971. № 3. С. 24–48; *Туниманов В. А.* Достоевский и Некрасов // *Достоевский и его время.* Л., 1971. С. 33–66;

сложна, конфликтна, полна схождения и расхождений, притяжений и отталкиваний в течение всей их жизни. Как известно, знакомство их относится к 1845 г., когда Некрасов получил рукопись романа «Бедные люди» и вместе с Д. Григоровичем отнес ее Белинскому. Роман был опубликован в «Петербургском сборнике» Некрасова в январе 1846 г.¹⁰ А 15 ноября 1845 г. Достоевский впервые пришел в дом Панаевых, устроивших у себя вечер в честь него, автора еще неопубликованного романа¹¹. Здесь он и познакомился с Авдотьей Яковлевной Панаевой, которая произвела на него неизгладимое впечатление. На следующий день 16 ноября он писал брату Михаилу: «Вчера я в первый раз был у Панаева и, кажет<ся>, влюбился в жену его. Она умна и хорошенькая, вдобавок любезна и пряма донельзя. Время провожу весело» (28₁, 116). Авдотья Яковлевна Панаева слыла одной из первых красавиц Петербурга. Так, например, А. Фет, посвятивший ей стихотворение «На Днепре в половодье», вспоминал: «Явившись к пяти часам, я был представлен хозяйке дома А.Я. Панаевой. Это была небольшого роста, не только безукоризненно красивая, но и привлекательная брюнетка. Ее любезность была не без оттенка кокетства. Ее темное платье отделялось от головы дорогими кружевами или гипюрами; в ушах у нее были крупные бриллианты, а бархатистый голосок звучал капризом избалованного мальчика. Она говорила, что дамское общество ее утомляет, и что у нее в гостях одни мужчины»¹². Несмотря на многочисленность поклонников, окружавших красавицу, Достоевский, вероятно, надеялся на взаимность. «Ну, брат, никогда, я думаю, слава моя не дойдет до такого апогея, как теперь, — писал он брату в Ревель. — Всюду почтение невероятное, любопытство насчет меня страшное... Все меня принимают, как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоевский то-то сказал, Достоевский то-то хочет делать... Белинский любит меня, как нельзя более. Откровенно тебе скажу, что я теперь почти упоен собственной славой своей» (28₁, 115). Белинский с Тургеневым «уж и не знают, как любить меня, влюблены в меня все до одного» (28₁, 116). Но Панаева оказалась красавицей гордой и неприступной. Ни слава молодого писателя, ни всеобщее восхищение не повлияли на чувства молодой женщины. Достоевский вскоре понял, что вряд ли его страсть вызовет ответные чувства у Авдотьи Яковлевны. «Я был влюблен не на шутку в Панаеву, — писал он через несколько месяцев брату Михаилу, — теперь проходит, а не знаю еще. Здоровье мое ужасно расстроено, и болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической» (28₁, 118). Боязнь горячки

Гин М. М. Достоевский и Некрасов. Два мировосприятия. Петрозаводск. 1985; Буданова Н. Ф. 1) ...И свет во тьме светит... СПб., 2012. С. 244–260; 2) «Записки из подполья» (Некрасовский текст и подтекст) // Русская литература. 2015. № 2 и другие.

¹⁰ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993–1995. Т. 1: 1821–1864. С. 98.

¹¹ Там же. С. 102.

¹² Фет А. А. Стихотворения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 117.

или лихорадки из-за влюбленности по прошествии нескольких месяцев лишь подчеркивает глубину чувств писателя. Авдотья Яковлевна Панаева осталась в его памяти и в его сердце навсегда. Он дал ее имя сестре Раскольникову, подарил ее внешность и черты характера не только Авдотье Романовне, но, на наш взгляд, и Полине из «Игрока», и Аглае Епанчиной, и Настасье Филипповне. Возможно, гордые и неприступные красавицы Достоевского в основе своей «скрывают» свой реальный прототип. Кстати, К. Чуковский, характеризуя чувства Достоевского к жене И. Панаева, заметил: «Удивительно, до чего этот жестокий роман был в духе самого Достоевского. Так и кажется, что читаешь о нем на страницах “Игрока”...»¹³ По предположению С. В. Белова, в рассказе «Бобок» Достоевский вспомнит о «светской львице» Панаевой и наградит ее именем одну из «загробных дам» — Авдотью Игнатьевну, «мечтающую и на том свете тоже иметь поклонников»¹⁴. Но гордая красавица ответила на чувства Н. Некрасова, не устояв перед его страстью. Так поэт оказался счастливым соперником Достоевского. На наш взгляд, эта «победа» не была безразлична писателю. Достоевский был человеком ранимым, тонко чувствующим и воспринимающим события и своей и окружающей его жизни. Осенью 1846 г. Некрасов переезжает на квартиру Панаевых. Это было началом их открытых отношений с Авдотьей Яковлевной. Возникший «любовный треугольник» — И. Панаев, Некрасов и Панаева — послужил источником толков и пересудов в обществе. Любовь же поэта и Авдотьи Яковлевны стала превращаться в мучительную страсть. Характер у Некрасова был сложный, нелегкий, как, впрочем, и у Панаевой. Они были оба страшно ревнивы, возникали скандалы, затем наступал мир, и всё начиналось сначала. В конце 1850-х гг. их отношения совсем ухудшились, но выйти из этого состояния Некрасов не мог: страсть подчиняла, вероятно, его разум и волю. Единственным человеком, понимавшим поэта, был И. Тургенев, сам оказавшийся в почти таком же положении, влюбившись когда-то в Полину Виардо. «Никогда я не думал, что так сломлюсь душевно, — сообщал Некрасов в письме от 30 июня 1857 г. Тургеневу, — а сломился. Не желаю тебе ничего подобного. Конечно, ты от этого далек, но всё не худо вовремя взяться за ум. Горе, стыд, тьма, безумие — этими словами я еще не совсем полно обозначу мое душевное состояние, а как я его себе устроил? Я вздумал шутить с огнем и пошутил через меру»¹⁵. Поэт проводит параллель между отношениями Тургенева и П. Виардо и своими — с А. Я. Панаевой. Тургенев сочувствовал другу, а выход своему раздражению давал в письмах к знакомым. «Я Некрасова проводил до Берлина, — писал он М. Н. Толстой в письме от 16 июля 1857 г., — он уже должен быть в Петербурге.

¹³ Тонкий человек и другие неизданные произведения / Собрал и пояснил К. Чуковский. М., 1928.

¹⁴ Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 80.

¹⁵ Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 476.

Он уехал с госпожой Панаевой, к которой он до сих пор привязан и которая мучит его самым отличным манером. Это грубое, неумное, злое, капризное, лишенное всякой женственности, но не без дюжего кокетства существо <...> владеет им как своим крепостным человеком. И хоть бы он был ослеплен на ее счет! А то — нет»¹⁶. В письме к А. А. Трубецкой от 6 июня 1857 г. сообщает: «Он (Некрасов. — *Т. Т.-III.*) возвращается в Россию <...> Его красавица сопровождает его. Красавица эта для него — веревка на шее, сущее наказание <...> Во время путешествия я обнаружил у них одну милую привычку, у нее — мучить, у него мученья испытывать; бог с ними, если их это устраивает! <...> Но я признаться в ужасе от этой толстой г-жи Панаевой. Представьте, что у нее случаются нервные припадки с антрактами, которые обусловлены приходом третьего зрителя, модистки и т. п. И Некрасов с его умом видит в этом лишь пылкий нрав»¹⁷. Так что не только Тургенев был подчинен своим чувствам. В 1862 г. умирает Ив. Панаев. Некрасов и Панаева свободны и могут вступить в законный брак, но поэт предложения не делает. В 1863 г. происходит полный разрыв отношений между ними. Всё это снова становится предметом толков и пересудов в петербургском обществе, особенно в кругу литераторов. Достоевский, скорее всего, знал эти истории, тем более что судьба Панаевой его интересовала. Косвенным доказательством этому служат героини его романов. Любовь к ней, к тому же отвергнутая, видимо, осталась глубокой раной в его сердце.

В 1862 г. отношения Некрасова и Достоевского обострились в связи с приостановкой выпуска журнала «Современник», как оказалось, на 8 месяцев и слухами о том, что поэт предал Чернышевского и т. д. Некрасов постарался отказаться от обещания дать свои стихотворения в журнал «Время». Достоевский, судя по письму от 3 ноября 1862 г., обиделся на поэта: «...Почему участие в нашем журнале могло бы Вас компрометировать и утвердить такие, например, слухи, что Вы предали Чернышевского? Разве наш журнал ретроградный? Уж, кажется, нет даже и для врагов наших. Можно всё говорить, но только не об ретроградстве» (28₂, 29). Обещание Некрасов, тем не менее, выполнил. Во «Времени» в 1863 г. был напечатан отрывок из поэмы «Мороз Красный нос» (главы I, II, VI, VII) под заглавием «Смерть Прокла».

Второй «точкой пересечения» в жизни Некрасова и Достоевского, если можно так выразиться, стала еще одна страсть — страсть к игре. И тот и другой были по своей натуре игроками. Страсть к игре в карты передавалась в семье Некрасова, словно по наследству: играл его дед, играл отец, передавший тайну игры своим детям. Несмотря на различие: страсть поэта к картам, а писателя — к рулетке, т. е. к разным формам игры — в первой доминирует расчет, потом уже случай, а во второй — случай, и, может быть, затем расчет — суть в том, что они оба

¹⁶ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 3. С. 235.

¹⁷ Там же. С. 229, 376.

были игроками. Но фортуна была благосклонна к Некрасову, а не к Достоевскому. Поэт почти никогда не проигрывал. По воспоминаниям современников, обострился «игорный» период у Некрасова после разрыва с Панаевой. «Несколько лет спустя после смерти И. И. Панаева, — вспоминал В. А. Панаев, — Некрасов, не довольствуясь уже игрой в палки в клубе, принимается за игру в банк. Для того собирались в частных домах, в том числе и у Некрасова. Стали уже ворочаться сотни тысяч рублей <...> Карточная игра велась на чистые деньги, расширилась до такой степени, что Некрасов завел у себя специальный стол, во всю длину огромной комнаты, для игры в банк <...> Собственно у Некрасова собирались раз или два в неделю»¹⁸. И здесь поэт счастливый «соперник» Достоевского, который почти постоянно проигрывал. Как вспоминала А. Г. Достоевская, «Некрасова он прямо называл шулером, игроком страшным, человеком, который толкует о страданиях человеческих, а сам катается в коляске на рысаках»¹⁹. Но напомним, что Некрасов не только катался на рысаках: он помогал семье Н. А. Добролюбова, выплачивал неплохие гонорары писателям, чтобы поддерживать их, и т. п. В «Дневнике писателя» 1877 г. Достоевский уже писал: «...я твердо уверен (и прежде был уверен), что из всего, что рассказывали про покойного, по крайней мере, половина, а, может быть, и все три четверти, — чистая ложь. Ложь, вздор и сплетни. У такого характерного и замечательного человека, как Некрасов, — не могло не быть врагов. А то, что действительно было, что в самом деле случалось, — то не могло тоже не быть подчас преувеличенно. Не приняв это, все-таки увидим, что нечто все-таки остается» (26, 121). Но это написано после смерти поэта, а в 1860-х гг. страсти еще кипели.

Третьей точкой соприкосновения интересов Некрасова и Достоевского было издательское дело. И здесь судьба опять была благосклоннее к поэту. Талант журналиста, редактора, предпринимательская жилка и даже игра в карты помогали Некрасову в его успехе как издателя журналов «Современник» и «Отечественные записки». «Некрасов вносил в издательское дело азарт игрока, — вспоминал А. М. Скабичевский, — в свою очередь, в самый разгар карточных турниров никогда не покидал его рассудок, который взвешивал с хладнокровием математического расчета все шансы выигрышей и проигрышей. <...> его увлекала не столь цель игры — выиграть кучу денег и наполнить ими карманы, сколько опять-таки самый процесс борьбы со слепой фортуной игры. Обыкновенно у нас считается аксиомой, что страсти омрачают рассудок; карточную же игру полагают такой губительной страстью, которая более чем какая-либо другая отнимает у человека волю и разум. Некрасов служил вопиющим опровержением этой аксиомы. Та могучая сила воли, которой одарен был Некрасов от природы и которую

¹⁸ Панаев В. А. Воспоминания // Русская старина. 1901. Сентябрь. С. 497–499.

¹⁹ Достоевская А. Г. Дневник. М., 1993. С. 308. (Сер. Литературные памятники).

он еще больше развил борьбой с внешними обстоятельствами жизни, ни на минуту не покидала его в борьбе с самим собой»²⁰. Да, Некрасов часто пользовался своим везением в игре, чтобы спасти, например, «Современник» от закрытия, приглашая чиновников сыграть «в доле», т. е. с разделением выигрыша. Многие современники воспринимали это как скрытую взятку. В. М. Лазаревский, член Главного управления по делам печати, сам однажды сыгравший с поэтом «в доле», рассказывал об этих играх на двоих²¹. Некрасов как человек был очень сложен. А. М. Скабичевский писал о его двойственной натуре, совмещавшей в себе поэта «музы гнева и печали», певца «народного горя», в то же время жившего в комфорте, любившего игру, медвежьей охоты с выездом и т. д. «Всего этого оказалось достаточным, чтобы людям, привыкшим мыслить по шаблонам, совсем разочароваться в Некрасове, не только как в человеке, но и как в поэте». Но, продолжает далее Скабичевский, Некрасов «был не ходячим идеалом, а живым человеком»; он подчеркивает, что обладавший «сильными страстями» поэт любил преодолевать препятствия²². Неудивительно, что Достоевский, будучи почти всегда в долгах и не имея средств для поддержки своих журналов «Время» и «Эпоха», следил за успехом своего «вечного» удачливого соперника. У него тоже была надежда на выигрыш, чтобы, получив деньги, выплатить долги и спасти журналы. Может быть, успех Некрасова в игре в карты послужил одним из косвенных толчков к началу игры Достоевского на рулетке в надежде на выигрыш. Мы обратили внимание на самые узловые моменты в биографии Некрасова, которые могли не только привлекать внимание Достоевского, но и вызывать в нем глубокие чувства, вероятно, задевавшие его самолюбие.

Обратимся теперь к роману «Игрок». Замысел его возник еще в 1863 г. в Италии в виде рассказа о типе заграничного русского. Но не только эта тема привлекала внимание Достоевского в то время. В романе есть и другой мотив, занимающий в нем одно из главных мест, — тема страстей человеческих: любви и игры. Известно, что история Алексея Ивановича и Полины соотносится с историей отношений самого Достоевского и Аполлинарии Сусловой, его возлюбленной²³. Напомним, что именно в 1863 г. происходит полный разрыв отношений Некрасова и Панаевой. Снова начались пересуды, особенно в литературной среде. В это же время на фоне этих толков развивается и роман Достоевского, страстный и мучительный для него и Сусловой, несколько похожий на роман Некрасова и Панаевой. Авдотью Яковлевну все жалели и ей сочувствовали. У Некрасова именно в это время появилась новая возлюбленная, Селина Лефрен. Их знакомство дати-

²⁰ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., 2001. С. 258–259.

²¹ Краснов Г. В. В. М. Лазаревский и Н. А. Некрасов // О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль, 1971. С. 315–318.

²² Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. С. 251.

²³ Сулова А. П. Годы близости с Достоевским. М., 1928. С. 47–60.

руется апрелем—маем 1863 г. Она была актрисой французской труппы Михайловского театра, приехала в Россию заработать деньги и вернуться на родину. Селина хорошо играла на фортепиано и пела для Некрасова французские арии и романсы. Елизавета Алексеевна Рюмлиг, родственница Некрасова, с достаточной определенностью писала, что Лефрен «имела свою намеченную цель, составить себе, хотя небольшой капитал из дорогих вещей <...> и уехать на родину, то есть в Париж. Она всегда говорила, что иметь про запас деньги, это есть *liberté* <...>». Таким образом «со слов Рюмлиг можно заключить, — пишет М. Ю. Степина, — что Селина Лефрен была содержанкой со стажем»²⁴. Далее автор статьи замечает, что сведения о Лефрен «как об опытной содержанке могло быть сколько реальным фактом, столько же преувеличением, воспринятым Рюмлиг именно от Панаевой <...>», которая резко негативно отзывалась о «француженках»²⁵. Но знакомые и друзья Некрасова, возможно, не без влияния Авдотьи Яковлевны, воспринимали Селину именно так. Е. И. Жуковская вспоминает: «Живя с ней (Панаевой. — *Т. Т.-III.*) почти в одной квартире, дверь об дверь по парадной лестнице <...> он (Некрасов. — *Т. Т.-III.*) не только беззастенчиво принимал у себя француженку, что было оскорбительно для самолюбия Авдотьи Яковлевны, но постепенно извел последнюю на роль экономки, поселив француженку напротив своей квартиры, по ту сторону Литейной»²⁶. Селина не знала русского языка, хотя и старалась его выучить, что видно по ее сохранившимся письмам к Некрасову. Летом 1864 г. поэт едет за границу со своей возлюбленной. А. Герцен сообщал Н. Огареву в письме от 16 ноября 1864 г.: «Некрасов был здесь несколько месяцев тому назад — он бросал деньги, как следует разбогатевшему сукину сыну; возит с собой француженку (Панаеву он, говорят, оставил), брата и про<чих>. В месяц он здесь ухлопал до пяти т<ысяч> франков»²⁷. Естественно, Достоевский, скорее всего, был об этом наслышан и Селина Лефрен лишь подтвердила тот образ француженки, который возник у него в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Некрасов был сильно увлечен молодой женщиной. Был он ее старше примерно на 12–13 лет, так как на момент их знакомства Селине было около тридцати. В 1866 г. она провела лето в Карабихе на правах хозяйки. В конце марта 1867 г. Некрасов, его сестра А. А. Буткевич и Лефрен выехали в Париж на Всемирную выставку, а затем переехали в Италию. Селина Лефрен в Россию больше не вернулась, но постоянно звала Некрасова во Францию. Из всего вышесказанного совершенно очевидно, что фигура Некрасова, его творческая и личная жизнь были

²⁴ Степина М. Ю. Некрасов и Селина Лефрен-Потчер: комментарии к реконструкции эпизода биографии // Некрасовский сборник. СПб., 2008. С. 181.

²⁵ Там же. С. 186.

²⁶ Жуковская Е. И. Записки. Воспоминания. М., 2001. С. 290–291.

²⁷ Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 27. Кн. 2. С. 534.

в поле зрения Достоевского. Соперник и единомышленник со сложной двойственной натурой, с сильными человеческими страстями привлекал внимание писателя.

Вернемся к тексту «Игрока». Вот описание внешности m-lle Blanche. Она «была рослая и широкоплечая <...> Одевается она эффектно, богато, с шиком, но с большим вкусом. Ноги и руки удивительные. Голос ее — сиплый контральто» (5, 221). А вот что пишет Е. Рюмлиг о Селине Лефрен: «M-lle Лефрен была нельзя сказать, чтобы очень красива, но имела представительную фигуру, одевалась очень хорошо, с большим вкусом, всё, что на ней было, казалось очень богатым»²⁸.

В истории любви генерала к m-lle Blanche в романе «Игрок» есть, на наш взгляд, определенное сходство как с историей любви Некрасова и Панаевой, так и его отношений с француженкой Селиной Лефрен-Потчер. Создавая эту сюжетную линию и в частности образ m-lle Blanche, Достоевский использовал, на наш взгляд, черты характера Авдотьи Яковлевны, с которой Некрасов чувствовал себя почти «рабом», подчиненным своим чувствам или, по словам Тургенева, «крепостным человеком», как и генерал в романе. А внешность, музыкальность, артистичность француженки Селины Лефрен Достоевский подарил своей француженке из романа; основной целью обеих — прототипа и персонажа романа — было все-таки составление капитала. Напомним, что не только Тургенева и Гончарова, но и Некрасова называли «генералом в литературе». Достоевский написал пародию на своего удачливого «соперника», изобразив его в образе генерала, иронически обыграв эпизоды из жизни поэта.

Следует также обратить внимание и на некоторые иные детали в тексте романа, которые могут быть связаны с Некрасовым. Слова Алексея Ивановича о том, что генерал с французом «затевал вместе завод: я не знаю, лопнул ли их проект, или всё еще об нем у них говорится» (5, 220), могут быть отсылкой к одному из фактов из жизни Некрасова. Купив имение Карабиха в 1861 г. у наследников князя Голицына, он приобрел и винокурный завод, входивший в состав имения. В этом же году на заводе было произведено 88 тысяч ведер водки. Некрасов воспринимался современниками как поэт, сострадающий русскому народу, его защитник, поэтому сам факт существования завода стал благодарной темой для сплетен и толков у его недоброжелателей²⁹, хотя управляющим в имении был брат поэта Федор Алексеевич, занимавшийся хозяйством усадьбы. Возможно, Достоевский напомнил об этом в своем романе. Тема наследства может быть отголоском истории о так называемом «огаревском наследстве», связанной в первую очередь с Авдотьей Панаевой, но очень сильно повлиявшей на репутацию Некрасова³⁰.

²⁸ *Степина М. Ю.* Некрасов и Селина Лефрен-Потчер. С. 183.

²⁹ *Суслов А.* Карабиха. Ярославская усадьба Н. А. Некрасова. М., 1948.

³⁰ *Черняк Я.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (Дело Огарева–Панаевой) по архивным материалам. М.; Л., 1933. С. 1–302.

Рассматривая роман «Игрок» в историко-литературном контексте эпохи, учитывая факты биографии окружающих Достоевского людей помимо столь «любимого» исследователями Тургенева, а также эпизоды из их жизни, можно, на наш взгляд, почти с уверенностью утверждать, что в романе явно заметны отголоски истории любви поэта и Панаевой, а в образе m-lle Blanche отразились внешность и черты характера французской актрисы Селины Лефрен.

Библиографический список

- Белов С. В.* Ф. М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 2001.
- Буданова Н. Ф.* ...И свет во тьме светит... СПб., 2012.
- Буданова Н. Ф.* «Записки из подполья» (Некрасовский текст и подтекст) // Русская литература. 2015. № 2. С. 148–155.
- Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1954–1965.
- Гин М. М.* Достоевский и Некрасов. Два мировосприятия. Петрозаводск, 1985.
- Достоевская А. Г.* Дневник. М., 1993. (Сер. Литературные памятники).
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Евнин Ф. И.* Достоевский и Некрасов // Русская литература. 1971. № 3. С. 34–48.
- Жуковская Е. И.* Записки. Воспоминания. М., 2001.
- Карамзин Н. М.* Сочинения: В 2 т. М., 1964.
- Кибальник С. А.* Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб., 2013.
- Краснов Г. В.* В. М. Лазаревский и Н. А. Некрасов // О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль, 1971. С. 315–318.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993–1995.
- Панаев В. А.* Воспоминания // Русская старина. 1901. Т. 107. Кн. 9. Сентябрь. С. 481–510.
- Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. М., 1987.
- Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М., 2001.
- Степина М. Ю.* Некрасов и Селина Лефрен-Потчер: комментарии к реконструкции эпизода биографии // Некрасовский сборник. Т. XIV. СПб., 2008. С. 175–204.
- Суслов А.* Карабиха. Ярославская усадьба Н. А. Некрасова. М., 1948.
- Сулова А. П.* Годы близости с Достоевским. М., 1928.
- Тонкий человек и другие неизданные произведения / Собрал и пояснил К. Чуковский. М., 1928.
- Туниманов В. А.* Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 33–66.
- Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1979–.
- Фет А. А.* Стихотворения: В 2 т. М., 1982.
- Черняк Я.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (Дело Огарева–Панаевой) по архивным материалам. М.–Л., 1933.

**Trofimova-Shiff T. B. “But this man stays in our hearts”
(To the question of prototypes in the novel *The Gambler*)**

Key words: Dostoevsky, *the Gambler*, image, prototype, context, biographism, Nekrasov, Panaeva, Lefren.

The article is devoted to the prototypes in the novel *The Gambler*, in particular, images of the general and Mlle. Blanche. Exploring the historical and literary context and biographical material, the author has found the solution that prototypes of these images were N.A. Nekrasov, A. Ja. Panaeva and Selina Lefren.

References

- Belov S. V. *F. M. Dostoevskij ego okruzenie. Jenciklopedičeskij slovar’*: In 2 vols. Saint Petersburg, 2001.
- Budanova N. F. “Zapiski iz podpol’ja” (Nekrasovskij tekst i podtekst). *Russkaja literatura*. 2015. N 2. P. 148–155.
- Budanova N. F. *...I svet vo t’me svetit...* Saint Petersburg, 2012.
- Chernjak Ja. *Ogarev, Nekrasov, Gercen, Chernyshevskij v spore ob ogarevskom nasledstve (Delo Ogareva–Panaevoj) po arhivnym materialam*. Moskow–Leningrad, 1933.
- Dostoevskaja A. G. *Dnevnik*. Moskow, 1993. (Ser. Literaturnye pamjatniki).
- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*: In 30 vols. Leningrad, 1972–1990.
- Evnin F. I. Dostoevskij i Nekrasov. *Russkaja literatura*. 1971. N 3. P. 34–48.
- Fet A. A. *Stihotvorenija*: In 2 vols. Moskow, 1982.
- Gercen A. I. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*: In 30 vols. Moskow, 1954–1965.
- Gin M. M. *Dostoevskij i Nekrasov. Dva mirovosprijatija*. Petrozavodsk, 1985.
- Karamzin N. M. *Sochinenija*: In 2 vols. Moskow, 1964.
- Kibal’nik S. A. *Problemy intertekstual’noj pojetiki Dostoevskogo*. Saint Petersburg, 2013.
- Krasnov G. V. V. M. Lazarevskij i N. A. Nekrasov. *O Nekrasove. Stat’i i materialy*. Jaroslavl, 1971. P. 315–318.
- Letopis’ zhizni i tvorčestva F. M. Dostoevskogo*: In 3 vols. Saint Petersburg, 1993–1995.
- Panaev V. A. Vospominanija. *Russkaja starina*. 1901. September. P. 481–510.
- Perepiska N. A. Nekrasova*: In 2 vols. Moskow, 1987.
- Skabichevskij A. M. *Literaturnye vospominanija*. Moskow, 2001.
- Stepina M. Ju. Nekrasov i Selina Lefren-Potcher: komentarii k rekonstrukcii jepizoda biografii. *Nekrasovskij sbornik*. Saint Petersburg, 2008. P. 175–204.
- Suslov A. *Karabiha. Jaroslavskaja usad’ba N. A. Nekrasova*. Moskow, 1948.
- Suslova A. P. *Gody blizosti s Dostoevskim*. Moskow, 1928.
- Tonkij chelovek i drugie neizdannye proizvedenija*. Comp. and comment. K. Chukovskij. Moskow, 1928.
- Tunimanov V. A. Dostoevskij i Nekrasov. *Dostoevskij i ego vremena*. Leningrad, 1971. P. 33–66.
- Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenij i pise*: In 30 vols. Moskow, 1979–.
- Zhukovskaja E. I. *Zapiski. Vospominanija*. Moskow, 2001.